

Н. А. Комлева

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СЖАТИЕ

Геополитика – это наука о связи пространства в совокупности всех его характеристик и общества людей, которое на этом пространстве живет и действует.

Как всякая наука, геополитика отражает реальную потребность, в данном случае – потребность общества контролировать пространство для использования находящихся в нем ресурсов с целью выживания и развития. Практические действия государства или иного актора по контролю пространства и находящихся в нем ресурсов также называются геополитикой.

Таким образом, термин «геополитика» имеет как теоретический, так и практический смысл. В соответствии с сущностью геополитической науки ее основной категорией является категория пространства. Вместе с тем основной формой практического освоения пространства является экспансия (пространственное расширение). Противоположной ей по смыслу и практическому значению является категория контракции (сжатия). Сущностью контракции является потеря пространства, иначе говоря – пространственное сжатие.

Феномен экспансии описан во множестве работ геополитиков различных эпох и научных направлений. Экспансия – это основная потребность и основная победа государства или негосударственного геополитического актора. Как гласит пословица, «У победы много отцов, а поражение – всегда сирота». Поражение в геополитической борьбе, т. е. контракцию, геополитики описывают редко и неохотно. Между тем контракция, увы, это реальность, и такая же осязаемая, как экспансия.

Каковы же основные типы контракции и факторы, приводящие государство в состояние геополитического сжатия?

Вначале кратко рассмотрим победительную сестру контракции – экспансию – для наиболее четкого, осуществляемого по контрасту определения сущности феномена контракции.

Категория пространства и пространственной экспансии была введена в геополитическую науку как ключевая основоположником политической географии Ф. Ратцелем (1844–1904). Для Ратцеля пространство – это не просто территория, пространство является в буквальном смысле слова живым организмом. Пространство – это политическая сила в ее прямом и самом действенном выражении. Ратцель полагал, что каждый народ имеет свое, присущее только ему пространственное чувство. Это чувство лежит в основе так называемой пространственной концепции государства, создаваемого данным народом. Пространственная концепция – это представление о возможных пределах пространственных владений данного народа. Упадок государства является прежде всего

следствием ослабления пространственного чувства населяющего его народа и пространственной концепции самого данного государства.

Поскольку государство представлялось Ратцелю живым организмом, постольку его развитие определяется законами роста всякого живого организма. Однако специфика государственного организма накладывает отпечаток на содержание и форму проявления этих законов. Таковых законов Ратцель насчитывал семь.

1. Пространство государства растет вместе с ростом его культуры.
2. Рост государства сопровождается развитием идей, торговли и повышением активности в иных сферах.
3. Рост государства осуществляется путем присоединения и поглощения малых государств.
4. Граница есть периферийный орган государства и в качестве таковой служит свидетельством его роста, силы или слабости и изменений в его организме.
5. В своем росте государство стремится вобрать в себя наиболее ценные элементы физического окружения: береговые линии, русла рек, а также районы, богатые ресурсами.
6. Первый импульс к территориальному росту приходит к государству извне, от более высокой цивилизации.
7. Общая тенденция к слиянию, разветвляясь в ходе своего развития, переходит от государства к государству и по мере перехода набирает силу [Поздняков, 1995].

Ратцель ввел в науку и понятие жизненного пространства, под которым понимал пространство, являющееся оптимальным для развития данного народа. Расширение жизненного пространства – это один из путей наращивания мощи государства. Таким образом, Ратцель определил не только основную категорию геополитической науки – пространство, но и выделил основной закон геополитики – необходимость и неизбежность геополитической экспансии, т. е. пространственного расширения.

После Ратцеля большинство ученых-геополитиков лишь вышивали по данной им канве. Они производили различные ментальные операции с категорией пространства: делили его на Море и Сушу, Воздух и Космос, описывали взаимоотношения между ними, методы осуществления геополитической экспансии и т. д.

Во второй половине XX века равноправным фактором геополитического процесса наукой признается воздушное пространство. Американский геополитик А. Северски даже утверждал, что необходимо развитие новой науки – аэрополитики. Основной вид геополитической экспансии, согласно А. Северски, – экспансия в воздушном пространстве и развитие авиации.

В конце XX века француз П. Галлуа выдвинул новый тезис: ключевым фактором геополитики становится, по его мнению, космическое пространство. Соответственно основным видом геополитической экспансии становится завоевание именно космического пространства.

В XX веке геополитическая наука переходит в стадию модернистского понимания пространства: кроме физической его формы, географического пространства, равноправными факторами геополитики признаются экономическое, идеологическое и информационное пространства. Но каким бы образом ни описывалось и ни классифицировалось пространство, основ-

ной формой его геополитического освоения всегда является именно экспансия. В модернистской геополитике помимо географической, или физической, пространственной экспансии выделяются экономическая, информационная и идеологическая формы геополитической экспансии.

В соответствии с типами геополитического пространства можно выделить и типы контракции: географическая (физическая), экономическая, информационная и идеологическая. В любом случае основной формой геополитического поведения государств во всех видах пространств, при любой их трансформации является либо экспансия, т. е. пространственное расширение, либо контракция, т. е. пространственное сжатие.

Как экспансия, так и контракция являются результатом реализации национального интереса, только в случае экспансии это будет удачная, а в случае контракции – неудачная форма его реализации. Национальный интерес – это сформировавшаяся в массовом сознании потребность в определенном геополитическом действии для обеспечения выживания и развития нации как целостной структуры. Национальный интерес тесно связан с национальной безопасностью, поскольку она состоит именно в выявлении и предотвращении или ликвидации угроз выживанию и развитию данной нации.

Так же, как и национальная безопасность, национальный интерес соотносится с понятием «государственный интерес», который можно определить как потребность государственных структур в проведении определенного геополитического курса для обеспечения собственного выживания и развития в качестве целостной системы. В этакратических системах, особенно в рамках тоталитарного политического режима, государственный интерес может подменять собой национальный. Истинный национальный интерес выявляется в выборе пути развития данного общества большинством нации в ходе выборов органов государственной власти и главы государства на основе программ соответствующих политических партий. Таким образом, для выявления и реализации истинного национального интереса необходима определенная степень развития гражданского общества, обеспечивающая его формулирование, материализацию в деятельности структур государственной власти и контроль над процессом его реализации со стороны институтов гражданского общества (прежде всего политических партий).

Поскольку государство является основным геополитическим актором, понятия национального и государственного интереса обычно употребляются как синонимы.

Национальный интерес в каждый конкретный момент исторического развития принимает конкретную форму. Так, основной национальный интерес России в период Второй мировой войны состоял в предотвращении возможной агрессии гитлеровской Германии, а затем и в отражении ее. Вторжение немецких войск и оккупация части территории тогдашней России были причиной контракции, а отражение агрессии Германии, в ходе которого были поставлены под контроль СССР все типы геополитического пространства Восточной и части Центральной Европы, представляло собой вариант геополитической экспансии. Сегодня основной национальный интерес страны – в преодолении геополитического провала 90-х годов XX века. Под геополитическим провалом в данном случае понимается максимальная степень сжатия пространств данного государства.

Рассмотрим современную Россию именно как пример максимальной степени контракции, контракции во всех типах геополитического пространства – геополитического провала, который приводит к снижению геополитического статуса.

Современная Россия является продуктом распада более мощного государства – СССР, и пока что большинство ее геополитических параметров обусловлено этим обстоятельством. В экономической сфере Россия осуществляет «обратный переход» к капитализму после периода социалистического и коммунистического строительства. Период первоначального накопления капитала, как и везде, сопровождается падением жизненного уровня большинства населения (в 1992 году в России, согласно официальной статистике, было 82% бедных, сегодня – более 30%), резкой имущественной дифференциацией (децильный коэффициент в 1999 году – 1:13) и распространением таких социальных явлений, как преступность, коррупция, наркомания и безработица.

Экономическое пространство России в сравнении со временами СССР резко сжато: российский ВВП в 1999 году составлял 1,6 от общемирового, а в 2001 – 2,4% (ВВП СССР в 80-е годы – 21%). Несколько лучше показатели объема промышленного производства: 1,8% – от общемирового уровня, 82% – от уровня США, 73% – Великобритании, 61% – Франции, 36% – от уровня промышленного производства Германии. При этом 60% промышленного оборудования в стране изношено и устарело как в физическом, так и в моральном отношении. По показателю использования высоких технологий в промышленности Россия отстает от Японии в 8 раз, от Германии – в 6 [Гаджиев, 2000].

По доле в мировом ВВП Россия в 2001 году находилась на уровне Пакистана (США – 21%, Западная Европа – 20%, Япония – 7,5%, Китай – 12,5%, Россия – 2,4%). По прогнозу ИМЭМО РАН, в 2015 году соотношение упомянутых стран будет таким: США – 18%, Западная Европа – 16%, Япония – 5,5%, Китай – 16,5%, Россия – 3% (при условии сохранения экономического роста 5–6% в год) [Арбатов, 2000].

Страна является самой ресурсной среди всех стран мира: 38% общего объема природных ресурсов мира находятся в России, в том числе 25% леса, 15% нефти, 42% природного газа, 43% угля (оценка), 50% ванадия и 100% иридия (разведанные запасы). Доля России в мировой добыче нефти – 11%, газа – 28%, угля – 14%. Поставки сырья из России покрывают 80% потребностей Украины, 100% – стран Балтии, более 50% – стран Восточной и Центральной Европы и до 20% – западноевропейских стран, входящих в ОЭСР [Пороховский, 1999]. Россия поставляет в Европу до 95% транспортируемой нефти, из них в Центральную Европу – до 46%, в Южную – примерно 26%, Восточную – 21% и Северную Европу – 2% [Сергеев, 1998].

Россия живет за счет добычи и экспорта своих природных ресурсов. В настоящее время на мировой рынок поставляется 43% добываемой нефти, 36% добываемого природного газа, 25% круглого леса. Экспортируется также 90% производимого в стране алюминия, 80% меди и 72% минеральных удобрений.

Доходы бюджета, получаемые от экспорта сырья, в значительной мере идут на оплату импорта товаров народного потребления. В первую очередь это продовольствие: импорт составляет 60% потребления мяса, 50% – сливочного масла, 30% – растительного масла.

С. Караганов, глава Совета по внешней и оборонной политике, называет такую структуру экспорта и импорта «реальной угрозой экономической безопасности» страны.

К вышеприведенным экономическим характеристикам необходимо добавить растянутые коммуникации и примитивную разрушающуюся инфраструктуру. «Плечо» перевозки грузов в России больше, чем «плечо» в Европе и США, в 3–5 раз. При этом тарифы на перевозку грузов постоянно растут, как и стоимость электроэнергии. Даже нефть и газ – основной экспортный товар страны – транспортируется в более тяжелых условиях, чем в странах Запада. Так, средняя дальность транспортировки 1 т нефти и нефтепродуктов в России в 7 раз больше, чем во Франции, в 1,5 раза больше, чем в Великобритании, и примерно в 20 раз больше, чем в Норвегии. В этих условиях регионам Leningrad'a становится более выгодным экономический обмен с Японией, Китаем, Южной Кореей и даже США, что подогревает сепаратистские настроения среди населения данных регионов.

Таким образом, сжатое экономическое пространство современной России не позволяет ей осуществлять такой же объем экономической экспансии, как во времена СССР. Тем не менее Россия все же реализует некоторые важные геополитические проекты: строительство АЭС в Бушере (Иран), масштабные поставки вооружений в Индию (2000–2001 годы), строительство нефтепровода Россия – Турция на дне Черного моря (проект «Голубой поток»), кредитование стран СНГ и т. п.

Мощное сжатие испытало и физическое пространство России.

После распада СССР территория России уменьшилась на 24%, появилась проблема разделенности физического пространства страны (Калининградский эксклав). Большинство ее административных границ стало межгосударственными границами. Необходимое обустройство новых физических и таможенных границ страны затруднено отсутствием достаточных для этого финансовых возможностей бюджета. В результате, по данным бывшего главы ФПС генерала А. Николаева, 80% физических границ современной России не имеют соответствующего обустройства. Естественно, такое положение стимулирует рост нелегальной миграции, деятельность контрабандистских сообществ, прежде всего наркосиндикатов, а также возрождает территориальные претензии к России со стороны ее соседей.

Территориальные претензии к России в основном существуют на уровне экстремистских или националистических партий и организаций почти всех 16 российских географических соседей. В Финляндии существуют силы, способные реанимировать вопрос о присоединении к ней Карелии и Карельского перешейка. В Эстонии, официально отказавшейся от претензий на Печорский район Псковской области и Кингисеппский район Ленинградской области, есть политики, постоянно возобновляющие эти притязания. Латвия претендовала на Пыталовский район Псковской области (в январе 1992 года латышский парламент принял соответствующее постановление). В трудах ряда современных украинских авторов звучит мотив несправедливости российско-украинских границ, якобы навязанных Украине и не совпадающих с этническими границами. Это относится и к украинско-польской границе, якобы проведенной властями СССР в ущерб Украине, в пользу Польши. Подчеркивается, что обширные районы Брянской, Воронежской, Ростовской областей, значительная часть Краснодарского и Ставропольского краев представляют собой украинскую этничес-

кую территорию. В нынешний Казахстан когда-то входили Омск, часть Оренбургской области и Башкирии. Китай претендовал на часть Хабаровского края, но эти претензии были в основном сняты российско-китайским соглашением о делимитации границы. Япония требует отдать ей четыре острова Курильской гряды.

Территориальной целостности России грозит и сепаратизм российских регионов, который обосновывается как бедностью и безработицей населения и желанием в этих условиях «уйти от колониальной политики Москвы», так и полярным стремлением защитить национальные богатства и относительно высокий уровень жизни «от хищнического использования Центром». Сепаратизм принимает как скрытые (Татария, Башкирия, Саха-Якутия, Калмыкия, Адыгея и др.), так и открытые формы (Чечня).

Общий «сдвиг» территории страны на северо-восток вследствие распада СССР привел также к потере прямых сухопутных выходов в Центральную и Западную Европу, в Азию. Транзит товаров, в том числе энергоносителей, которые приносят основную часть валютного дохода государственного бюджета, через территорию бывших советских республик стал платным и очень дорогим. Кроме того, некоторые страны (в частности, Украина) позволяют себе расхищать российский газ из трубопроводов, по которым он экспортируется, причем даже президент Украины позволяет себе сомнительный аргумент в защиту такого способа обогреться и насытить промышленность: «Москва ежегодно перекачивает через нашу страну на Запад 130 млрд кубометров газа. Если здесь откачают 1 млрд кубометров – это же ничтожная доля». Российский Газпром, оценивая масштабы ежегодных хищений газа на Украине, настаивает на цифре в 7 млрд кубических метров. Большая часть похищенной «ничтожной доли» российского газа реэкспортируется Украиной, в результате чего страна пополняет бюджет валютой, а Россия соответственно приобретает «упущенную выгоду».

Кроме потери более чем 5 млн квадратных километров территории, Россия лишилась и большей части шельфов Черного, Балтийского и Каспийского морей с их богатыми запасами полезных ископаемых. (Прикаспийские нефтяные месторождения считаются вторыми в мире по разведанным запасам «черного золота».) Выход современной России к Черному и Балтийскому морям резко ограничен, и соответствующие военные флоты России фактически превратились в тень существовавших прежде мощных воинских соединений. Россия утратила военно-стратегическое преимущество в акватории Черного и Балтийского морей. Территориальные претензии Украины к России в Керченском проливе грозят превратить Черноморский флот, как торговый, так и военный, в заложника: если Украина реализует свои претензии, то выход кораблей в море будет платным и станет зависимым от того, дадут соответствующие украинские власти разрешение на это или нет.

Что касается Северного Ледовитого океана, то возможности России использовать Северный морской путь как транзитную магистраль из Европы в Азию в значительной степени сужены по причине экономической разрухи и фактического развала ледокольного флота. Из четырех действующих ледоколов (еще четыре находятся в аварийном состоянии и не могут использоваться) только «Красин» осуществлял ледовую проводку судов. Остальные использовались в других целях, например, ледокол «Ка-

питан Хлебников» был сдан в аренду зарубежной фирме, доставляющей туристов к Южному полюсу. Дело в том, что государство финансирует ледокольный флот только на треть, остальное Дальневосточное морское пароходство, владелец судов, должно зарабатывать само, что оно и делает, как умеет. Предпринимаются попытки на международном уровне оспорить принадлежность России арктического сектора ее физического пространства на том основании, что Арктика, так же, как и Антарктида, должна быть «достоянием человечества». Заметим при этом, что российская Арктика – это не только Севморпуть, который значительно сокращает транзит из Европы в Азию, это еще и нефтяные месторождения шельфа Северного Ледовитого океана.

В космическом пространстве экспансия России затруднена, кроме всего прочего, тем, что основной российский космодром «Байконур» теперь располагается на казахстанской территории и Казахстан требует 100 млн долларов в год за его аренду. Затопление в 2001 году космической станции «Мир» отрицательно повлияло на перспективы геополитического расширения России в космосе. Затопление «Мира» и ограничение числа российских космических аппаратов военного и гражданского назначения в основном результат экономического упадка страны.

В странах Запада существуют планы дальнейшего раздела российской территории. Так, германские ультраправые открыто, а большинство других политических партий в завуалированной форме высказывают намерение вернуть Калининградскую область России в состав Германии. Этому объективно способствуют следующие обстоятельства:

- военные и их семьи составляют около 40% населения области и вследствие критического финансового состояния российской армии находятся в бедственном материальном положении;

- в экономике области преобладают материалоемкие и энергоемкие предприятия, для которых внутри самой области сырья нет, а их продукция не способна конкурировать на рынках балтийских и западных стран, притом, что 70% ее экспортируется;

- импорт потребляемых товаров составляет 90% [Нартов, 1999].

Существуют разные проекты интеграции Калининградской области в состав Германии: кондоминиум (территория с совместным управлением, в данном случае Германией и Россией), образование Балтийской республики – автономии российских немцев с последующим присоединением к «матери-Германии», передача области Германии за долги и т. п. Ряд подобных предложений поддерживается и российскими либералами, например, последнее (уступить за долги) – Б. Немцовым.

Германский капитал объективно работает на присоединение Калининградской области к Германии. Создаются многочисленные совместные предприятия, что ведет к «удушению» российских конкурентов, растет туристический обмен с Германией, в домах калининградцев устанавливаются немецкие счетчики воды и газа, германские банки избирательно кредитуют местные бизнес-проекты, по радио и на телевидении – обилие рекламы на немецком языке, пропаганда превосходства германского образа жизни. Все это потенциально способствует дальнейшему вытеснению России из Балтики.

3. Бжезинский неоднократно на протяжении 90-х годов высказывал мысль об образовании на территории нынешней России трех новых госу-

дарств: Московии, Сибирской республики и Дальневосточной республики. Этот геополитический проект, по мысли автора, должен «облегчить положение самой России», не способной при ее теперешнем экономическом положении и демографическом потенциале осваивать такие громадные регионы, как Сибирь и Дальний Восток. Сжатие физического пространства государства до пределов «средней европейской страны» «впишет Россию в Европу» и будет стимулировать ее дальнейший экономический рост. США от реализации этого проекта получают не только выгоду окончательного геополитического ослабления России, но и потенциальную выгоду нейтрализации Китая как геополитического конкурента: Китай будет «взят в клещи» с одной стороны зависимыми от США новыми республиками *Lepaland'a*, а с другой – проамериканскими Японией и Тайванем.

Уже упоминавшийся проект американского сенатора У. Мида по покупке или аренде Сибири Соединенными Штатами по примеру приобретения Аляски также сводит Россию к размерам «большой европейской страны» типа Франции или Германии.

Проекты Бжезинского и Мида исходят из того, что из 144 млн россиян в Сибири и на Дальнем Востоке живет только около 30 млн. Причем количество некоренных жителей Сибири постоянно сокращается, особенно на Севере, из-за трудных условий жизни. Трудные условия – это суровый климат, постоянные перебои с товарами из-за плохого осуществления «северного завоза», задержки и невыплаты зарплат, безработица ввиду прекращения работы многих предприятий. Сибирь плохо связана с центром России (только одна действующая железная дорога), а Приморье и Хабаровский край не имеют автомобильных дорог для связи с европейской частью страны. Транспорт на Чукотке, Камчатке и в Магаданской области – это либо авиация, либо движение внедорожных автомобилей по «зимникам». Отметим при этом, что на Дальнем Западе США с 1867 по 1916 год построено четыре железные дороги и имеется целая сеть автодорог. Правда, там другой климат.

Существуют проекты отделения от России мусульманских республик Северного Кавказа и Поволжья с образованием единого исламского государства – геополитического союзника Турции.

Некоторые политики Китая не исключают возможность когда-нибудь в будущем присоединить к китайской Внутренней Монголии территорию современной независимой Монголии вкупе с буддийскими республиками России.

Российские сырьевые ресурсы, как было показано выше, в основном отправляются на экспорт. Подобные процессы развиваются и в отношении демографических ресурсов: «утечка умов» из некоторых отраслей науки составляет до 40% (математика, программирование, ядерная физика). При этом ученому не обязательно эмигрировать, существует так называемая «в свободное время» по заказу зарубежных партнеров. Многих привлекает при этом не только возможность последующего выезда за рубеж на работу или постоянное проживание, но и заработок, приличный по российским меркам (примерно 200 долларов в час).

За период с 1990 по 1997 год затраты на финансирование науки сократились в 7 раз, а доля расходов на НИОКР составила 0,32% ВВП при пороговом значении этого показателя в 2% [Бушмарин, 1999]

Видный американский ученый П. Дракер отмечает, что в XXI веке наиболее значимые изменения будут происходить не в сфере технологической, а в сфере демографической. Старение населения США, Европы, России и Японии, а также почти всех стран бывшего советского блока приведет к тому, что эти страны будут становиться все менее и менее мощными и значимыми в мировом масштабе. В этих условиях все большую значимость приобретает преимущество в численности высококвалифицированных работников и общем состоянии интеллектуального потенциала нации. Американский ученый в связи с этим полагает опасным пренебрежение к развитию высшего образования, науки и культуры, которое демонстрируют современная Россия и бывшие республики СССР. Такая политика в сфере развития интеллектуальных ресурсов может подорвать геополитические позиции названных стран. Ему вторит выдающийся американский экономист Л. Туроу. Он прогнозирует XXI столетие как столетие бурного роста именно тех отраслей экономики, которые связаны с развитием искусственных интеллектуальных ресурсов – *man-made brain-rower industries*. Отрасли экономики, наиболее развитые в современной России – отрасли, основанные на использовании естественных ресурсов, – останутся в XX веке, и их развитие не будет способствовать увеличению геополитической мощи страны. Центральным ресурсом XXI века Туроу считает знания и способность их использования [Иноземцев, 1998].

Несмотря на отставание, обусловленное противоречивостью либеральных реформ, российская наука сохранила твердые позиции в военно-технической сфере, атомной энергетике, освоении космоса, радиофизике, математике и некоторых областях теоретической физики, биологии и материаловедения.

Российские школьники и студенты часто побеждают на престижных международных научных олимпиадах и конкурсах, что свидетельствует о достаточно высоком качестве образования в стране. Проигрывают же они в сравнении с западными выпускниками в том, что в гораздо меньшей степени оснащены новейшим оборудованием лаборатории российских вузов, а главное – производственная практика проходит в основном на предприятиях с устаревшими технологиями. Поэтому в среднем российский молодой специалист все-таки значительно уступает западному специалисту. Вместе с тем около 50% российской рабочей силы готово по квалификации и образовательному уровню к труду на современных рыночных предприятиях (по данным Мирового экономического форума). Россия занимает первое место в мире по числу ученых и ИТР, связанных с высокими технологиями, и по показателю расходов на НИОКР в соотношении с объемом ВВП находится на уровне Великобритании и Канады, уступая лишь США и Франции. Однако по использованию персональных компьютеров Россия отстает от США в 19 раз, от Великобритании, Канады и Швеции – в 11 раз, а по показателю пользования Интернетом от США – в 114 раз, от Швеции – в 250 раз, от Канады – в 66 раз [Бушмарин, 1999].

Снижаются средняя продолжительность жизни и общие показатели здоровья населения страны. Велика детская смертность (16 на 1000 родившихся младенцев при среднемировом показателе 11). В результате каждый год российское население уменьшается приблизительно на 1 млн человек, несмотря на положительное сальдо миграции. (Напомним, что в результате распада СССР Россия потеряла 44% численности населения, а

государствообразующий этнос – русские – стали одной из «разделенных наций»: 25 млн русских оказались «национальным меньшинством» в отделившихся республиках СССР.)

Российский Lenaland подвергается демографической агрессии со стороны полуторамиллиардного Китая (примерно 10 млн нелегальных иммигрантов) и Северной Кореи (около 3 млн нелегальных иммигрантов), испытывающих недостаток пахотных земель и сырьевых ресурсов. В России также нелегально проживают тысячи и десятки тысяч представителей других этносов: курды, афганцы, пакистанцы, индийцы, даже африканцы (суданцы, сомалийцы и пр.). Миграция беженцев русской и иных национальностей из районов вооруженных конфликтов вблизи границ России и «экономическая эмиграция» из соседних, еще более бедных стран дестабилизирует социальную обстановку внутри отдельных регионов страны (к примеру, на Ставрополье проживают нелегально 60 тыс. армян, приехавших из Армении на заработки и постоянное место жительства).

Военная мощь страны, по мнению С. Караганова (Совет по внешней и оборонной политике), находится в критическом и даже катастрофическом состоянии. Распад мировой системы социализма и СССР сопровождался выводом советских войск из Европы, роспуском Варшавского договора и фактической потерей всех бывших геополитических союзников страны. Прекращение экономического сотрудничества с большей частью прежних партнеров или его резкое сокращение, разрыв внутривластных связей с независимыми государствами – бывшими республиками СССР – также отрицательно повлияли на развитие российского ВПК. Обвальная конверсия привела к фактическому разрушению военно-стратегического потенциала страны. Сегодня Россия утратила более 300 технологий производства вооружений и военной техники, объем производства в оборонных отраслях составляет 8,7% от советского. Современный оборонный бюджет страны составляет десятую часть от китайского оборонного бюджета, шестую – от японского, четвертую – от германского и сороковую – от американского оборонного бюджета (данные 2001 года). Новейших вооружений в российской армии 20%, тогда как в американской – 70 %, в других странах Униполя – 50–60%. Армия хронически недофинансируется, и к 2005 году доля новейших вооружений может снизиться до 5% [Арбатов, 2000].

К 2015 году НАТО приобретет 4-кратное превосходство над Россией. Китай и Япония по военной мощи будут превосходить Россию: Китай – абсолютно, Япония – в отношении российской дальневосточной военной группировки. Возможно китайско-японское соперничество за российский Дальний Восток и океанские острова, которое при дальнейшей деградации российской военной мощи может вылиться в силовой захват Китаем российского Дальнего Востока, а Японией – тихоокеанских островов России (прогноз А. Арбатова).

По состоянию на 2000 год Индия, которая не относится к числу развитых стран мира, имела армию, равную российской по численности, и вдвое больший военный бюджет. Кроме того, эта страна опережала Россию по ряду научно-технических направлений. Напомним, что в 1985 году СССР имел самую мощную в мире армию и вместе с союзниками по Варшавскому договору обладал трехкратным превосходством над НАТО в Европе по основным видам обычных вооружений, а на других направлениях – существенное превосходство над всеми соседями [Арбатов, 2000].

У России сегодня нет союзников с ядерным оружием, а в будущем ряд пороговых государств могут представлять непосредственную угрозу нашей безопасности.

Все вышесказанное привело к резкому снижению уровня государственной и национальной безопасности страны по всем важнейшим параметрам: экономическим, политическим, военным, идеологическим. Основная угроза экономической безопасности России – товарная, особенно продовольственная зависимость, несколько снизившаяся в результате кризиса 1998 года, когда резкое удорожание импорта заставило российскую промышленность активизироваться. Финансовые кредиты международных структур и отдельных стран Униполя превратились в неподъемное бремя для страны: только выплаты процентов по кредитам составили бы в 1999 году половину бюджета России, а в 2000 году – более трети. Реструктуризация выплат сопровождается со стороны кредиторов жесткими условиями экономического и политического характера.

В военном плане Россия сталкивается с откровенной агрессией союзных Униполю стран (Пакистан, Саудовская Аравия, ОАЭ, Турция) в республиках Северного Кавказа, выражающейся в подготовке, финансировании и лечении чеченских боевиков, помощи им оружием, инструкторами, разведывательными данными, техникой, а также в участии военнослужащих этих стран в вооруженных конфликтах внутри России (Пакистан). Южные соседи России – государства проамериканской ориентации Грузия и Азербайджан – укрывают на своей территории боевые отряды террористов, предоставляют в их распоряжение учреждения для лечения и отдыха. Лечение и отдых боевики получают и на Украине, стремящейся в НАТО. Украинские наемники из УНА-УНСО активно участвуют в боевых действиях на стороне сепаратистов.

Критическое состояние вооруженных сил страны и ее оборонной промышленности помогает геополитическим противникам России реализовать план включения России в серию «конфликтов малой интенсивности» (КМИ) с целью ее дальнейшего ослабления. Занятая собственными проблемами и проблемами безопасности своих границ, Россия, как предполагается, станет менее активным участником мировых геополитических процессов. Границам России сегодня угрожают следующие КМИ: чеченский (грозный перерастает в общекавказский), абхазский, южноосетинский. Угрозой России являются также нападения террористов на Казахстан, Киргизию, Узбекистан. Кроме того, афганские талибы шесть лет непосредственно угрожали Таджикистану, границы которого охраняют российские воинские подразделения, ежедневно вступающие в огневой контакт если не с самими талибскими войсками, то с афганскими контрабандистами-наркоперевозчиками.

Сжато и идеологическое пространство России. В частности, успешная антироссийская идеологическая кампания на Западе привела к тому, что международный престиж страны в 90-е годы упал до критического уровня: Россия предстала экономически разрушенной, управляемой мафией, но страной, все еще реализующей «имперские амбиции» путем «колониальных войн». «Зверства русских войск» на Кавказе сравнивались с гитлеровскими. Сами русские как матричный этнос России в распространяемых мифах предстают нацией вороватой и ленивой, чей идеал – «халява», а национальный герой – Иван-дурак.

Итак, в результате распада СССР и противоречивого осуществления структурных реформ «обратного перехода к капитализму» современная Россия утратила статус не только сверхдержавы, каковым обладала во времена СССР, но и статус великой державы. Более того, Россия сегодня не может претендовать даже на статус региональной сверхдержавы и является обычной региональной державой Евразии. Реальный статус противоречит сохраняющимся в общественном сознании воспоминаниям о совсем недавнем глобальном могуществе и притязаниям элиты на его восстановление. Поэтому современная Россия геополитически противоречива. В определенных сферах она ведет себя как великая держава (притязания на сохранение коспонсорства в решении проблем Ближнего Востока, участие в миротворческих операциях наравне с великими державами, сохранение статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН, притязания на полноправное участие в G-7 и т. п.), в других – как региональная сверхдержава (попытки выступить гарантом урегулирования армяно-азербайджанского, грузино-абхазского конфликтов и т. п.), а в каких-то случаях – соответственно своим сегодняшним возможностям (ликвидация космической станции «Мир» и определенного количества стратегических ракет из-за невозможности финансировать их существование и использование, резкое сокращение вооруженных сил и т. п.). При президенте Путине активизировалась первая линия геополитического поведения России – линия на восстановление былого могущества. В частности, Россия восстанавливает партнерские связи с реальными конкурентами США и держав Униполя – Китаем, Индией, Ираном, Ираком. В связи с этим директор ЦРУ США на слушаниях в конгрессе в феврале 2001 году заявил, что Россия вновь представляет реальную угрозу.

Россия пытается выйти из контракции:

- в СНГ: заключая двух-, трех- и пятисторонние договоры о совместной обороне от террористов (Ташкентская пятерка), об экономической деятельности (Евразийский экономический союз), об унификации таможенных правил и пошлин (двусторонние и многосторонние договоры с Белоруссией, Казахстаном, Киргизией);
- в Азии: войдя в АТЭС, активизировав контакты с Китаем, Индией, Ираном, Вьетнамом, возобновив переговоры о заключении мирного договора с Японией, создав Шанхайскую организацию сотрудничества;
- на Ближнем Востоке: активизировав свою роль коспонсора разрешения арабо-израильского конфликта, восстанавливая контакты с Ираком, Сирией, Турцией;
- в Европе: налаживая взаимовыгодные экономические и политические контакты со странами Западной и Центральной Европы, с Европейским союзом.

После терактов в США в сентябре 2001 года перед Россией появилась реальная возможность частично преодолеть свое геополитическое сжатие, присоединившись к антитеррористической коалиции. Прочное взаимодействие с США и странами Запада в антитеррористической борьбе позволило России перейти с геополитической позиции «факультативного партнера» Запада на позицию ключевого союзника в борьбе с терроризмом, а в целом достичь статуса стратегического партнера.

С приходом путинской администрации и сменой администрации в Вашингтоне в 2001 году отношения между США и Россией вначале ослож-

нились. Геополитическая активность России при Путине расценивалась республиканской администрацией как опасная для США. Для России же значительное препятствие в повышении ее геополитического статуса представляла декларируемая США при Буше-младшем «политика с позиции силы» и намерение создать НПРО, выйдя из Договора по ПРО 1972 года. Стратегическое партнерство, установившееся между США и Россией на почве антитеррористической борьбы, позволяет частично преодолеть эти противоречия.

В целом же современное геополитическое положение России можно однозначно оценить как чрезвычайно трудное, а возможности геополитического расширения – как чрезвычайно ограниченные.

Каковы средства выхода из геополитической контракции?

Рассмотрим один из них, который применялся в XX веке великими державами, находящимися в состоянии контракции. При этом оговоримся, что данный метод ни в коем случае нельзя признать в качестве универсального и применимого для современной России.

Если принять точку зрения Х. Арендт и признать, что тоталитарные режимы возникали и развивались в XX веке, то можно высказать гипотезу о том, что начиная с этого времени тоталитарный режим является технологией геополитического прорыва великой державы в ситуации резкого или даже критического геополитического сжатия.

Тоталитарный режим характеризуется всеохватным контролем государства (точнее, тандема «партия – государство») в отношении индивида. Контролю подлежит в том числе сфера сознания и сфера личной жизни. Тоталитарные режимы возникают именно в XX веке, т. к. эта историческая эпоха – рубеж XIX–XX века и первая треть XX века – создает средства прочного контроля массового сознания: радио, кино, телевидение.

Этот тип политического режима, как и вообще все характеристики социума в любой момент его развития, не возникает на пустом месте, т. е. спонтанно. Чтобы понять, в чем же состоит объективная необходимость тоталитаризма для конкретного социума, посмотрим внимательно на основные характеристики функционирования общества в тоталитарном режиме. Этот социум фактически лишен структур гражданского общества (юридически существующие структуры лишены своих имманентных функций защиты прав индивида), оппозиция сурово подавляется, в экономике преобладают черты узконаправленной индустриализации милитаристского типа, практикуются идеологическая унификация и унификация личной жизни. Таким образом, унифицированное во всех сферах жизнедеятельности тоталитарное общество представляет собой как бы пучок концентрированной, однонаправленной энергии.

На что эта концентрированная энергия направляется? Для чего она создается, чем именно востребована?

Такой мощный энергетический пучок не может быть предназначен ни для чего иного, как для пробивания какой-то мощной преграды развития. В геополитическом плане это может быть только одна задача – выход из состояния мощной контракции, степень которой нация воспринимает как критическую. При этом общество платит за достижение цели очень высокую цену: массовые репрессии против инакомыслящих приводят к подрыву генофонда и культурного базиса нации, унификация экономики в конечном итоге ведет к ее стагнации и снижению уровня жизни населения и т. п.

Отметим, что тоталитарные режимы возникают именно в обществах, порожденных так называемыми великими нациями. Это общества, которые на геополитической арене выступают как великие державы – Россия, Италия, Германия, или общества, созданные нациями, полагающими себя наследницами великих цивилизаций и великих держав недавнего или далекого славного прошлого – например, Испания 30-х годов XX века или современный Ирак.

Большевистская Россия, заключившая в 1918 году «похабный» Брестский мир, желала ценой геополитической контракции сохранить перспективы реализации коммунистических идеалов. Однако почти немедленно начала вновь осуществлять геополитическую экспансию (военные походы 20-х годов в Польшу, Турцию, Монголию и т. п., финская война, европейские завоевания советской армии 40-х годов, корейская и вьетнамская войны и т. п.), пытаясь восстановить и по возможности еще больше расширить рамки прежней Российской империи. Воистину прав Шпенглер, утверждая, что экспансия – это рок, «нечто демоническое и чудовищное», что влечет великую нацию к овладению новыми пространствами даже помимо осознания социальных невыгод этого геополитического предприятия.

Чем большие пространства – географические, экономические, идеологические – осваивала Советская Россия, тем больше смягчался тоталитарный режим в стране. Наибольшей степени решения основной геополитической проблемы – выхода из контракции – соответствовала наименьшая степень применения тоталитаризма как геополитической технологии. Просто необходимость в употреблении этого инструмента отпадала. Однако унификация общества в конце концов окончилась так называемым «застоем» 70–80-х годов, когда лишенная стимулов развития экономика и культура не выдержали «соревнования» с Западом и советская империя рухнула. Тоталитаризм – технология геополитического прорыва – привел к геополитическому сжатию 90-х годов. То же мы видим в тоталитарной Германии, где инициирование мировой войны как метода глобальной геополитической экспансии привело к контракции 1918–1919 годов. Выход из контракции с использованием в качестве технологии тоталитарного политического режима привел к очередной контракции в 1945–1990 годы.

Таким образом, тоталитарные режимы – это естественное следствие критической контракции великих держав. Но их развитие также естественно приводит к новому витку контракции. Этот колебательный контур может быть преодолен только в одном случае – в случае успешного проведения либеральных реформ и перевода общества в функциональный режим демократии.

Тоталитаризм – это геополитическая технология именно великих держав. Малые государства в ситуации контракции ведут себя иначе. Чехословакия, пережившая позор и трагедию Мюнхенского сговора 1938 года, как и Россия в 1918 году в Бресте, Польша, не раз поделенная геополитическими хищниками XIX и XX веков, Германия, разделенная по Версальским договоренностям в 1919 или по Потсдамским в 1945 году, тоталитарных режимов не создали. У них не было «пространственного чувства» (термин Ратцеля), присущего великим державам, поскольку они к ним уже несколько веков не принадлежали. Их тоталитаризм был навязанным. Однако и данная форма тоталитаризма не случайна: она дала возможность

этим государствам в значительной степени восстановить утраченные пространства и увеличить степень своей геополитической значимости.

В той же степени навязанным был и демократический режим ФРГ после очередного раскола страны в 1945 году. Контракция Германии после Второй мировой войны не привела к возникновению в ФРГ тоталитарного режима. Но это объясняется тем, что не раз страдавшие от германской экспансии великие державы тогдашней Европы просто поставили под контроль ее геополитическое и социальное развитие Потсдамскими договоренностями и планом Маршалла. Как в отношении Германии, так и в отношении Японии была принята позиция: не допустить развития в этих странах авторитарных и тоталитарных режимов, чтобы не спровоцировать вновь их геополитическое расширение в форме силовой агрессии. В данном случае Германии и Японии был навязан либеральный тип экономической и политической системы. Правда, японское общество значительно переработало навязанные социальные параметры под традиционные восточные стандарты развития. Тем не менее сегодня эти государства пользуются преимуществами либеральных систем.

Необходимо подчеркнуть: в геополитической борьбе все государства ведут себя в отношении других государств как хищники, т. е. авторитарно, только одни при этом маскируются, а другие нет. Следовательно, суть заключается не столько в характеристиках геополитического актора (типе его экономической и политической системы), сколько в характеристиках обстоятельств, которые либо позволяют ему быть хищником, либо делают его пищей другого хищника. По этой причине удивление, высказываемое модернистской геополитикой при обнаружении фактов авторитарного поведения демократических государств, т. е. когда либеральные системы ведут себя как этатистические, не более чем показатель высокой степени идеологической экспансии либеральных систем и укоренения мифа о политической корректности как атрибуте либерализма. Используя ницшеанскую терминологию, можно сказать, что геополитика находится «по ту сторону добра и зла», а Бог, который есть Любовь, не умер на аренах геополитических битв, он просто никогда туда и не заглядывал.

Геополитические акторы – это не механические системы, а человеческие сообщества, поэтому для их геополитического существования важны не только характеристики их пространств и ресурсов, но интеллектуальные и эмоциональные характеристики возглавляющих их лидеров. Если ограничивать число геополитических акторов только государствами, тогда понятие «политический лидер» будет тождественно понятию «глава государства». В этом случае степень свободы воли и свободы геополитического поведения лидера определяется типом существующей политической системы. В частности, тем, в какой степени государственные структуры – и глава государства в том числе – подвергаются контролю структур гражданского общества.

В любом случае главным являются волевые качества политических лидеров, т. е. так называемая «политическая воля». Воля, согласно Гегелю, есть стремление к реализации осознанной потребности. Стремление переживается индивидом как чувство (желание). Поэтому в структуре фактора политической воли равным образом важны как интеллектуальные, так и эмоциональные (волевые) элементы. При этом важно, чтобы политическая воля лидера совпадала с политической волей значительной части под-

властных, т. е. с национальным интересом (интерес и есть осознанная потребность). Это обеспечит действиям лидера национальную поддержку и таким образом усилит импульс геополитического расширения данного государства.

Оставив в стороне вопрос природы национального интереса, его истинности или ложности, отметим, что для своей реализации он должен быть проявлен именно на уровне всей нации.

Как уже говорилось, в либеральных системах это осуществляется через деятельность структур гражданского общества, прежде всего политических партий, которые теоретически оформляют собственное понимание национального интереса в своих программах и выражают в своей деятельности. Выборные органы государственной власти, сформированные определенными партиями и политическими организациями, являются в таком случае материальным воплощением политической воли народа, т. е. национального интереса. Это оптимальный способ проявления национального интереса. Другое дело, что таким образом чаще всего проявляется интерес сиюминутный, но это уже относится к тем недостаткам демократии, которые отмечались на протяжении всей ее истории – от Платона до Черчилля.

В этакратических системах на первый план выступают личностные характеристики лидера и его личное осознание геополитических потребностей общества. Не зря лидеры этакратических систем, как правило, отождествляют себя с государством или обществом в целом: от Людовика XXIV («государство – это я») до Фиделя Кастро («я и есть Куба»).

В сфере геополитики это отождествление до некоторой степени справедливо как в либеральных, так и в этакратических системах: во все времена основной геополитический актор – государство, поэтому личностные качества его главы в геополитических битвах играют первостепенную роль. Идеально, если это человек глубокого и гибкого ума и сильной воли. Именно такие лидеры, как правило, способствовали геополитическим прорывам своих государств вне зависимости от того, являлись ли они лидерами легитимными или теневыми. Так, фаворит Екатерины II князь Потемкин сделал для российской геополитики ничуть не меньше, чем сама императрица.

Политический лидер может явиться причиной как геополитического успеха, так и геополитического провала возглавляемого им государства. Иногда это один и тот же человек. Примером может служить Наполеон I. Его военные победы принесли Франции статус сверхдержавы тогдашнего политического мира. Наполеон как глава французского государства в буквальном смысле являлся господином большей части Европы. Однако непрерывные победы вскружили ему голову и убедили в абсолютном могуществе, что повлекло за собой стремление к реализации безумного проекта «континентальной блокады» Англии – тогда второй сверхдержавы мира. Полное осуществление блокады требовало принуждения к ее выполнению всех стран континентальной Европы, в том числе и России, которая подчиняться категорически не собиралась. Последовал неудачный для Наполеона русский поход, давший начало процессу распада всей собранной Наполеоном европейской империи. Франция не только утратила статус сверхдержавы, но подверглась и иным видам геополитического сжатия – от физического до идеологического.

Для России лидерами, активно способствовавшими ее громадному геополитическому расширению во всех пространствах, были, несомненно, Петр и Сталин. Геополитические провалы России в конце XX века связаны с именами Горбачева и Ельцина. При этом геополитический провал, т. е. значительная степень геополитического сжатия во всех пространствах, не обязательно сочетается с провалами в развитии отдельных параметров экономической и политической систем. Так, те же Горбачев и Ельцин способствовали либерализации российской экономики и демократизации политической системы.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что основными причинами контракции государств во всех пространствах являются искажение национального интереса вследствие слабого развития гражданского общества, что, в частности, приводит к неудачному осуществлению структурных реформ, а также личностная неспособность политических лидеров общенационального масштаба выразить и реализовать национальный интерес.

Список литературы

Арбатов А. Национальная безопасность России в многополярном мире // *Мировая экономика и международные отношения.* 2000. № 10.

Бушмарин И. Квалифицированная рабочая сила – ведущий компонент производительных сил // *Там же.* 1999. № 10.

Гаджиев К. Введение в геополитику. М., 2000.

Иноземцев В. Переосмысливая грядущее. Крупнейшие американские экономисты и социологи о перспективах и противоречиях современного развития // *Мировая экономика и международные отношения.* 1998. № 11.

Кудров В. Место России в мировой экономике в начале 21 века // *Там же.* 2000. № 5.

Нартов Н. Геополитика: Учеб. для вузов. М., 1999.

Поздняков Э. Геополитика. М., 1995.

Пороховский А. А. Россия и мировая экономика (потенциал развития и возможности его реализации) // *США – Канада: Экономика, политика, культура.* 1999. № 3–4.

Сергеев П. Трубопроводный транспорт России и Западной Европы // *Мировая экономика и международные отношения.* 1998. № 11.